

Глава 78. Ну и что, что храмовая проститутка? (14)

На арене верблюды состязались под человеческие крики восторга, а люди, в свою очередь, сражались за собственные желания.

Первым заговорил бедуин:

— Самир аль-Мактум, много лет назад ты забрал Чёрный песок и с тех пор столько времени управляешь советом. Разве ты не должен дать нам объяснение?

Самир, вращая на пальце золотое кольцо, усмехнулся:

— А вы не оспаривали мою власть не потому ли, что просто не могли?

Нефть и правда замечательная штука.

Так думал он.

Город может накопить за её счёт стартовый капитал, а человек — с её помощью или с помощью чего-то подобного ей стать властелином пустыни. Жаль только, что любые ресурсы однажды иссякают, а значит, перемены неизбежны. Когда-то Дубай стал торговым узлом благодаря своему уникальному географическому положению. А что насчёт него, Самира аль-Мактума?

У него тоже было собственное уникальное преимущество: к Потустороннему миру он находился ближе, чем кто бы то ни было.

Боги послали знамение ещё до того, как Потусторонний мир сошёл на землю.

И лишь он один сумел ухватиться за эту возможность.

Когда-то четыре силы разделили между собой разные части тела Белого верблюда. Самым бесполезным оказался тот, кому достались кости. Это был торговец людьми из Юго-Восточной Азии. В один из годов он умудрился оскорбить «Судью», потому что прямо при нём с жаром расписывал приёмы похищения детей. И тут выяснилось, что у Судьи, который казался человеком без привязанностей, есть сын.

Чтобы унять его гнев, торговцу людьми пришлось отдать кости верблюда.

Следующим снизу в этом рейтинге бесполезности был европейский торговец оружием, которому досталось верблюжье мясо. Вернувшись домой, он хотел похвастаться жене и детям своим удивительным приключением, но не учёл, что этот кусок мяса невозможно долго хранить. Когда он достал сосуд, в котором оно лежало, то увидел, что на гниющей плоти кишат вздувшиеся, шевелящиеся опарыши, а между обломками костей тянется полупрозрачная слизь. Его дочь перепугалась и разрыдалась, а он в спешке бросил мясо собаке, которую держала жена.

Позже охотничья сука, съевшая верблюжье мясо, родила несколько уродливых щенков. Сначала из её тела полезли их головы — без глаз, покрытые белым пушком, похожим на верблюжьи ресницы. Лапы у них были сросшимися, а на дёснах разрослись два ряда изогнутых, загнутых внутрь клыков.

Торговец оружием взглянул на это лишь раз, а затем вытащил щенков и разбил их насмерть. С

тех пор он заметно сдал и больше никогда не заговаривал о том, что произошло с ним в пустыне. Потом он ещё и заразился туберкулёзом: каждый день, согнувшись, выкашливал кровавую мокроту и смачно сплёвывал её на обочину. Его прежде молодые, полные щёки постепенно ввалились, а веки распухли, став похожими на два кокона шелкопряда.

Он ещё и постоянно напивался до слёз, каждому встречному твердил, что виноват перед женой и дочерью, но стоило спросить, что именно он сделал, как он тут же замолкал.

Да хранит его бог...

Оставались бедуин, забравший шкуру верблюда, и нефтяной магнат Самир аль-Мактум, которому досталась кровь. Услышав о том, что случилось с торговцем оружием, Самир решил, что останки Белого верблюда — вещь бесценная, но не для обычных людей. Поэтому он бережно сохранил верблюжью кровь и стал ждать подходящего часа.

Однажды глубокой ночью в 2018 году Самиру приснился белый домик, стоящий посреди пустыни. По коридору, покрытому кристаллами соли, шла толпа безликих фигур в форме нефтяной компании, неся гроб Белого верблюда.

На следующее утро он в одиночку поехал в пустыню искать место из своего сна. Проезжая мимо того участка, где позже устроили верблюжьи скачки, Самир почему-то сразу понял, что именно этот бархан он и видел во сне. Тогда он оформил все бумаги, связался с застройщиком и рабочими и велел возвести на этом месте точно такой же белый домик.

А с того дня, как строительство завершилось, он начал днём и ночью ждать появления похоронной процессии.

Никто не мог понять его упрямства. Только сам Самир знал, насколько бездонна его жадность.

Стоило одному желанию наконец исполниться, как тут же рождалось следующее. Его богатство росло, как снежный ком, но, боже! Мир ещё не узнал о его успехе и прозорливости. Когда же у этой дороги вообще будет конец?

В 2019 году Судья забрал у торговца людьми верблюжьи кости, после чего стал появляться на людях ещё реже.

Лишь раз в год, когда во время сезона хаджа в Мекке собирался совет Чёрного песка, он ненадолго возвращался в пустыню, чтобы исполнить своё первое обещание — в течение первых семи лет вершить справедливый суд для Совета Чёрного Песка.

2018 год был первым годом его бытия Судьёй, 2025-й — последним из этих семи лет. Иначе говоря, в этом году — раньше был 2024-й, но уже наступил новый — Судья вынесет своё последнее «решение».

Самир аль-Мактум давно ненавидел Судью.

Но делать что-либо напрямую он не собирался.

В «Искусстве войны» сказано: «Лучшее — разбить замысел врага, затем — разбить его союзы, затем — разбить его войска, а худшее — штурмовать крепости... Войско избегает сильного и бьёт по слабому».

Судья был именно такой крепостью. Самир не знал его истинной глубины, а потому прямой

удар по нему был бы наихудшим из наихудших решений. Он вполне мог использовать другие способы и загнать Судью в безвыходное положение.

Например, устранить тех, кто задаёт вопросы. Если никто не станет жаловаться Судье, разве не воцарится мир?

Поэтому ему нужен был кто-то, кто будет убирать трупы... нужен был кто-то, кто будет убирать трупы... нужен был кто-то, кто будет убирать трупы...

Однажды поздней ночью Самиру аль-Мактуму приснилось: он стоит в знакомом коридоре, покрытом соляными кристаллами, и бормочет эти слова себе под нос. Мимо него прошли безликие носильщики с гробом, и угол гроба задел пожарный гидрант на стене, издав глухой звук — словно арматура упала на грунтовую дорогу.

Одна из безликих фигур повернула голову и как бы невзначай скользнула по нему взглядом.

Самир машинально моргнул, и в следующий миг эта фигура уже стояла перед ним лицом к лицу.

Из туманного, почти бесплотного видения донёсся мягкий женский голос:

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе уносить трупы?

Самир не испугался, напротив — его захлестнуло возбуждение.

— Да! Я готов приносить вам мёртвых в жертву!

— Нам не нужны человеческие души, — сказала женщина. — Отдавать нам мертвецов — расточительство. Так же как и Чёрный песок в твоих руках — расточительство.

— Что это значит?.. Госпожа имеет в виду под Чёрным песком ту верблюжью кровь? До сих пор она и правда просто лежала в хранилище и пылилась, потому что я не знал, как её использовать. Но клянусь, я вовсе не собирался тратить сокровище впустую! Вы готовы рассказать мне, как им следует пользоваться?

Женщина сказала:

— Когда проснёшься, сам узнаешь.

...

Самир открыл глаза и обнаружил, что заснул прямо в пустом коридоре маленького белого дома. Старые руки и ноги под луной стали ледяными, а на пожарном гидранте над головой остались борозды, словно от трения гроба.

Сцена из сна была настоящей.

Самир обезумел от восторга.

Вернувшись домой, он задушил слугу, закопал его тело в жёлтый песок, пропитанный чёрной верблюжьей кровью, и уверовал, что однажды мертвец откроет глаза и, словно погребальные слуги древнеегипетского фараона или терракотовые воины Цинь Шихуанди, станет преданным призрачным солдатом, который будет бить туда, куда он прикажет.

Позже о Потустороннем мире понемногу начали узнавать люди, сведения неожиданно просочились наружу, и бедуины тоже услышали об этом и захотели урвать свою долю. Самир, разумеется, был против. Так и началась череда споров и вражды.

* * *

— Скачки начались.

Сказав это, сторбленный старик скрючился на пластиковом стуле. Зубов у него почти не осталось, рот и глотка казались чёрной пещерой, а в самой её глубине будто застрял комок красно-жёлтой лавы. Он никак не мог его вытолкнуть: из груди вырывалось тяжёлое сипение, а потом — внезапный взрыв:

— Кхе-кхе! Кхе-кхе-кхе!! Тьфу!

Он сплюнул мокроту на салфетку, скривил губы и сказал Ли Вэю:

— Туберкулёз. Старая болячка. Не бойся, не заразно.

Правда, что ли? Не верю.

Ли Вэй поднял руку и поплотнее прижал маску к переносице.

Старик продолжил болтать, лишь бы не молчать:

— Я раньше тоже встречал таких сборщиков трупов, как ты. Тогда я ещё называл их уборщиками. Сколько ж лет прошло? Кхе-кхе-кхе-кхе...

— Мне тоже нравится называть себя уборщиком, — глухо отозвался Ли Вэй. — А ты чем занимаешься?

— Торгую оружием. Не скажешь, да? Ха-ха.

Старик поднял правую руку — ногти на ней были тёмно-фиолетовыми, почти чёрными, словно после маникюра, — и показал большой палец вверх.

— Да я в своё время по всей Европе гремел!

Ли Вэй не хотел слушать, как оружейный барыга хвастается собой. Он думал только о том, почему до сих пор не явился настоящий сборщик трупов и где ему искать Чёрный песок, если тот вообще не придёт, а вслух небрежно спросил:

— Ты слышал о Судье?

— Конечно слышал! Я даже был там, когда он впервые появился!

Старик вытаращил глаза и, чтобы убедить Ли Вэя, принялся тараторить без остановки:

— В молодости у меня был рост метр семьдесят семь, а Судья был выше меня на целую голову. Чёрные волосы, зелёные глаза, на шее бинокль, кожа грубая, с загаром. Сразу видно — человек, который годами бродит под открытым небом. Ходил он легко, тихо, как хищник из кошачьих. Но одну вещь я помню особенно ясно: обычно мозоли от оружия бывают на указательном пальце правой руки — потому что им нажимают на спуск.

Старый торговец оружием сложил пальцы пистолетом.

— А у него мозоль была на среднем пальце правой руки. Угадаешь почему?

Он сделал паузу, рассчитывая привлечь внимание Ли Вэя. Похоже, ему уже много лет не хватало обычного человеческого общения. Но Ли Вэй лишь оцепенело смотрел на него и не реагировал вовсе.

Старик был вынужден сам раскрыть разгадку:

— У него не было указательного пальца. Этот тип мог нажимать на спуск только средним!

По спине Ли Вэя внезапно потёк холодный пот.

— Ты не знаешь, как зовут Судью по-настоящему? — спросил он.

— Да кто ж знает, — покачал головой старик. — Он жутко загадочный, никогда о себе не распространялся.

А внешность у него...

Разве не была похожа на мою процентов на семьдесят-восемьдесят?

Поддавшись порыву, Ли Вэй едва не сорвал с лица маску и не дал торговцу оружием посмотреть на себя.

Тот человек, которого старик описывал, был вылитый Райнер Ливиус.

Но ведь Райнер Ливиус умер много лет назад!

Неужели на свете могут существовать два человека, которые были бы настолько похожи — и внешне, и в привычках, и даже в увечье пальца?

Или всё происходящее сейчас, как и тогда в поезде «Парочек», было всего лишь очередным мороком?

Пока Ли Вэй, обливаясь потом, лихорадочно перебирал мысли, старик снова закашлялся и озадаченно пробормотал:

— Как жарко... Разве кондиционер не работает? Почему в здании так душно? Подожди здесь, я выйду проверю.

Он поднялся, собираясь уйти. У Ли Вэя же голова была забита одним только Райнером Ливиусом, и в эту секунду ему хотелось подвесить оружейного торговца к потолку и вытрясти из него приёмом Геймлиха всё, что тот знает.

— Не уходи! — Ли Вэй потянулся схватить его. — Расскажи мне ещё про Судью!!

Но его рука сжала лишь вязкий воздух.

Старик без всякого предупреждения рухнул на пол. Его согнутая спина начала шевелиться, вздрагивать, выпячиваться всё выше и выше, пока наконец не превратилась в форму верблюжьего горба.

— Дитя! Моё дитя!

Пока мутация шла полным ходом, он извивался всем телом и хрипло выл:

— Пожалуйста, прости меня!!

Ли Вэй бросился к нему, перевернул его лицо к себе и резко втянул воздух.

В современном мире длинные ресницы считались красивыми. У верблюдов они похожи на веера и защищают глаза от песка. У людей от природы таких длинных ресниц не бывает. Но у старика они сейчас отросли и теперь напоминали две тяжёлые занавеси, способные целиком закрыть глаза.

— А-а! А-а!! Почему я ничего не вижу!!

Он судорожно заскрёб ногтями по векам. Ли Вэй постарался удержать его и спросил:

— Что ты сделал? Что случилось с твоим ребёнком?!

— А-а-а-а! Умерли! Все умерли!

Старик продолжал визжать. Ли Вэй, тяжело дыша, вытащил из сумки ампулу успокоительного и вогнал иглу ему в вену.

— Отвечай!!

— Кхе-кхе-кхе... кхе-кхе...

Под действием лекарства старик постепенно пришёл в себя. Видя это, Ли Вэй повторил:

— Что ты сделал?

Старик шевельнул губами:

— Я...

Откуда-то донёсся сухой хруст.

И вдруг Ли Вэй увидел картину — будто прямо сквозь голову старика.

Женщина лежала на кровати, сплетясь в объятиях с молодым красивым мужчиной... В дверь внезапно ворвался другой мужчина и схватил вазу с тумбочки, обрушив её на них обоих...

Молодой любовник выпрыгнул в окно и сбежал... Женщина вскинула руки, умоляя о пощаде, но мужчина не успокоился и продолжил размахивать осколками вазы...

Женщина рухнула на пол и больше не двигалась... Через несколько дней в комнату вбежала маленькая девочка, увидела её разлагающееся тело и, задржав голову, разрыдалась...

Мужчина обнял девочку, утешая её, а потом, обернувшись, скормил кости жены домашней собаке...

Затем он женился снова. Новая жена забеременела, но ребёнок родился без глаз: его голова была похожа на огромный мясной шар с пятью дырами, тело покрывала мокрая белая шерсть,

а за губами скрывались острые зубы...

Мужчина оцепенел от ужаса, вцепился в новорождённого, вырвал его и швырнул на пол, разбив насмерть, а потом в окружении воя сирен обезумев выскочил из больницы...

— Моё дитя, — прошептал старик, дрожа ресницами. — У меня была родная дочь, её родила моя жена. Я погубил их.

То, что старик сбивчиво рассказывал Ли Вэю, совпадало с тем, как всё понимал Самир: он принёс домой гниющее верблюжье мясо, напугал жену и дочь, собака его съела и родила уродливых щенков, жена после этого слегла, а сам он тоже начал медленно угасать.

Ли Вэй видел, что он не лжёт.

В представлении самого оружейного торговца правда выглядела именно так.

Тогда что же это были за жуткие, разъедающие рассудок картины, которые увидел Ли Вэй?

Какая из двух версий была настоящей?

И как в реальности вообще могло произойти нечто настолько мистическое?

Или, может быть, он сейчас уже вовсе не в реальном мире?

* * *

А в это время безликая женщина вприпрыжку шла по бесконечному коридору и на ходу писала в воздухе:

□Бро, спасибо, что в прошлый раз научил меня помечать цель водой. Метод рабочий, но я случайно оставила лужицу, и её вытер уборщик из реального мира. Нынешние уборщики слишком уж добросовестные. В следующий раз попробую краску... У тебя есть способ это восстановить?□

□А, ага, сначала так, потом вот так, а потом ещё так. Кажется, запомнила. Спасибо, бро! Ты вообще супернадёжный, совсем не похож на злого духа, который раньше был человеком. Бро, тебе помочь с чем-нибудь? Я всё-таки одно из воплощений бога, для меня пара мелких услуг — сущий пустяк.□

□Нет? Только если я встречу человека по имени Ларк Ли Вэй, присмотреть за ним вместо тебя... Кто он тебе? Друг? Ладно, ладно, постараюсь. Вот же, сам рыба рыбой, а всё время думаешь о человеке. Ты что, собрался сниматься в ЛГБТ-версии «Русалочки»? Прости, я шучу, не ругайся...□

<http://bllate.org/book/17014/1725003>